

Прошедшее прологом должно служить.

Уильям Шекспир. «Буря»

(Пер. Н. М. Сатина)

ГЛАВА 1

В последнюю нашу встречу дядя подарил мне собаку — маленького золотистого ретривера с грустными глазами и носом в форме сердечка. Щенок не задержался у нас надолго, я даже не успела дать ему имя. Помню, как он бегал по нашей гостиной, а я представляла, сколько приключений нас ожидает впереди!

В следующую секунду собаки уже не было.

С дядей Билли то же самое. Он попрощался с нами, помахал рукой, отъезжая от дома, и с тех пор я его не видела.

Мама никогда не хотела собаку. Я просила, обещала выгуливать щенка каждый день, чистить ковер в гостиной в случае неприятностей, но мама оставалась непреклонна. И дело не в ковре и не в разгрызенной обуви. Даже не в любви. Она не сомневалась, что я буду любить собаку. Конечно, мама бы тоже ее любила, но питомец, как и любое живое существо, требует не просто любви, а ответственности. Я же была на заре своих подростковых лет, когда мальчики и друзья значат больше, чем карманные деньги, собаки и даже семья. Мы это уже проходили. Никаких собак. Я это знала.

И дядя Билли это знал.

Щенок был подарком ко дню рождения. Когда мне исполнилось двенадцать, родители арендовали зал с игровыми автоматами и несколькими бейсбольными клетками в Калвер-Сити. Это было начало 1998 года. Мы всегда отмечали мой день рождения уже в январе, потому что я родилась в самом конце месяца.

Надев защитный шлем, я неуверенно зашла в бейсбольную клетку, пока мои друзья старались всячески меня подбодрить. Перед началом игры папа дал совет:

— Ноги на ширине плеч, а локти держи повыше!

Я была уверена, что мама не удержится от наставлений в духе: «Будь осторожнее», но она стояла у барной стойки и разговаривала по телефону.

— Давай, Миранда, у тебя все получится! — сказал папа после неудачной подачи.

В этот момент к нему подошла мама и что-то еле слышно прошептала. Вторая моя подача оказалась не лучше — мяч вылетел за пределы клетки.

— Давно пора принять, что ему нельзя верить, — ответил ей папа. — Миранда. — Он повернулся ко мне. — Будь внимательнее!

Я слышала, как мама прошелестела:

— Но он *обещал* прийти.

— Мы обсудим это позже, — ответил папа.

— Зачем он дает обещания, если не собирается их сдерживать?

— Сьюзи, не сейчас.

Я старалась сосредоточиться на вздернутом локте, свободных коленях — как папа и учил, — но этот «тайный» разговор меня отвлекал.

Только один человек мог являться причиной их перешептываний.

Я ненавидела, когда мама с папой так обсуждали дядю Билли, будто пытались меня от него защитить, будто он был кем-то, от кого меня стоило оградить. Я обернулась и взглянула на родителей. Они смотрели друг на друга, облокотившись о клетку.

Я услышала отскок мяча до того, как почувствовала боль от острого удара и сильное жжение в плече. Я закричала и упала на пол. Еще два мяча просвистели рядом с головой. Папа крикнул, чтобы бейсбольную машину выключили, и поспешил в клетку вместе с мамой.

— Солнышко, ты в порядке? — Мама сняла с меня шлем и убрала со лба вспотевшие волосы.

У меня перехватило дыхание от боли. Я лежала на холодном бетонном полу, не в силах даже ответить.

— Миранда, скажи что-нибудь. — Ее голос был на грани истерики.

— Все в порядке, — ответила я, тяжело дыша. — Поем торт и успокоюсь.

Обычно родители смеялись после подобных слов, но в этот раз никто из них никак не отреагировал, и они продолжили смотреть друг на друга обеспокоенными и немного разочарованными взглядами, будто ссадина на моем плече тоже была виной Билли.

— С мамой все хорошо? — спросила я папу, пока мама разговаривала с работником у барной стойки.

— Вполне, а если что-то и случилось, это исправит тортик, — ответил он и потрепал меня по волосам.

После того как праздничный торт был съеден, а пакетик со льдом, который мама велела прижать к плечу, превратился в мокрое пятно на моей футболке, мы, наконец, пошли к игровым автоматам. Мою руку пронзала острая боль, но я не обращала внимания и продолжала играть в скибол. Время от времени я смотрела на родителей. Они убирала со стола: мама резкими движениями вытирала клеенку, пока в какой-то момент папа не прервал ее и не обнял. Он погладил ее по волосам и что-то прошептал ей на ухо. Я не понимала, почему она так расстроилась. Билли часто не приходил, даже если давал обещание. Честно говоря, я не могла вспомнить ни одного своего дня рождения за последние несколько лет, на котором бы он присутствовал. Вот если землетрясение в Японии или Италии, он первым самолетом летел туда с другими сейсмологами, инженерами и социологами. У него обычно не находилось времени, чтобы оповестить нас о своем отъезде. Но я не расстраивалась, я гордилась им. Мой дядя был кем-то важным. Мой дядя спасал людей. Мама учила воспринимать его так. Когда Билли в очередной

раз не приходил на мои выступления в школе или на воскресные барбекю, мама говорила:

— Твой дядя очень хотел прийти, но он занят. Благодаря ему этот мир становится чуточку безопаснее.

Он был моим супергероем. Капитан Билли, спасающий мир, но не сверхсилами, а сверхмозгом. И хотя я уже выросла, чтобы верить в героев, я все еще верила в Билли. Я думала, что и мама в него верит, пока не увидела ее заплаканное лицо на мой день рождения.

*

В тот вечер Джоани, моя лучшая подруга, осталась у нас ночевать. Мы рано легли спать. В туманной полудреме меня вдруг разбудил звонок в дверь и последующие за ним осторожные шаги и тихий шорох. Я выскользнула из кровати и проскочила в коридор. Внизу, у входной двери, стояла мама, одетая в атласный халат, аккуратно затянутый на ее тонкой талии. Билли же оставался на крыльце снаружи.

Я бросилась к лестнице в порыве прыгнуть на него. Моя комплекция была уже достаточно крупной для таких трюков, но я не сомневалась, что даже во взрослом возрасте буду так же встречать своего дядю, до хруста в спине заваливая его своей любовью. Однако, подбежав к лестнице, я замерла, пораженная словами моей мамы:

— Какого хрена ты творишь? Сейчас три утра.

Я застыла на месте. Мама никогда не повышала голос и не ругалась.

— Мало того, что заявляешься сюда посреди ночи, так еще и сваливаешь на меня всю вину. Твою мать, и как тебе наглости хватает?

Я все так же, не шевелясь, стояла наверху. Меня ошеломил мамин гнев. Никогда прежде я не слышала ничего подобного.

— Ты сам так решил. — Она старалась контролировать свой голос. — Ясно? Это был твой выбор. И не надо обвинять меня.

Билли отвел взгляд, а мама продолжила кричать, что сейчас поздно, что он сволочь и нарцисс — я не поняла смысл этого слова, равно как и других оскорблений в его адрес. Когда Билли заметил меня наверху лестницы, он покраснел от стыда и застыл на месте. Мама обернулась. Она выглядела намного старше своего возраста и показалась мне невероятно бледной.

Я вглядывалась в их выразительные лица. Нет, они ругались не из-за моего дня рождения. Причина крылась в чем-то другом.

— Родная, иди спать, — сказала мама. Я не шевельнулась, и тогда она добавила: — Пожалуйста.

Я рванулась в комнату, растерянная и необъяснимо смущенная тем, что увидела. Джоани услышала, как я ложусь обратно, и повернулась ко мне.

— Который час?

— Уже за три.

— Кому понадобилось приходить в это время?

— Не знаю.

Она отвернулась, что-то пробормотав. Я же не могла заснуть. Мамины слова проносились эхом в моей голове: *«И как тебе наглости хватает»*. *«Не надо обвинять меня»*. *«Это был твой выбор»*. Первые лучи солнца проскользнули сквозь шторы, оповещая о скором начале дня. Я не спала всю ночь, но так и не сумела разгадать, какой выбор сделал Билли, в чем он обвинял маму и что происходило в тот момент у входной двери.

*

Позже, тем же утром, папа повез меня и Джоани на завтрак с панкейками.

— А где мама? — спросила я, залезая в машину.

— Она еще спит.

Мама никогда не просыпалась позже семи, но папин тон исключал дальнейшие вопросы.

Когда мы вернулись домой, мама все еще была в атласном халате. Вьющиеся темно-рыжие волосы обрамляли ее лицо, пока она заворачивала шоколадные чипсы в тесто. Обычно мамино пение являлось главным ингредиентом любого блюда. Ее красивый, мелодичный голос словно околдовал пирог или лазанью, отчего вишня и помидоры становились слаще. Но в этот раз на кухне стояла тишина, а мама продолжала месить тесто для печенья.

Она подняла голову, услышав наши шаги в дверном проеме. Ее глаза опухли, а лицо было невероятно бледным.

— Как позавтракали?

— Папа разрешил попробовать три вида панкейков.

— Правда? — Мама вновь вернулась к тарелке с тестом. — Какой он молодец.

Мне хотелось, чтобы она запела и отвлеклась от своего состояния. Но мама все так же молча следила за тем, как тесто глухо ударяется о тарелку, а я гадала, будет ли печенье таким же вкусным без секретного ингредиента.

В течение нескольких недель от Билли не было никаких новостей, но однажды он зашел, чтобы устроить мне праздничный сюрприз. Я понятия не имела, куда мы поедем. В этом заключалась вся прелесть выходных с дядей: что бы я ни предлагала — пойти на пирс или в парк аттракционов, — мои идеи не были даже наполовину такими же захватывающими, как приключения, которые придумывал Билли.

Учащенное дыхание его старого «БМВ» эхом пронеслось по дому. Я ждала последующего звука закрывающейся двери, ждала, что мама побежит встречать Билли, закидывая его вопросами. Куда мы собрались? Будут ли там другие дети? Там безопасно? Я не упаду с какой-нибудь скалы? Ремни безопасности? Спасательные жилеты? Казалось, ее никогда не удовлетворяли его ответы.

Прозвучал гудок машины, и мама позвала меня, не выходя из спальни:

— Билли приехал!

— А ты не хочешь с ним поздороваться? — крикнула я.

— Не сегодня.

На выходе из дома я немного замялась. Мамина спальня оставалась закрытой. Увы, это не имело значения, ведь Билли даже не позвонил в дверь. Он ждал меня в машине, не выключая двигатель.

— Это же моя любимая девочка! — воскликнул дядя Билли, когда я запрыгнула в «БМВ».

Он всегда называл меня своей любимой девочкой. Если бы я услышала такие сопли от родителей, я бы умерла со стыда. Но с Билли я чувствовала себя маленьким ребенком, которым все еще хотела оставаться, пусть знала, что в двенадцать лет это уже не круто. Мы выехали на дорогу, и мой дом скрылся за горизонтом. Я все думала: наблюдали ли мама из окна за нашим отъездом?

— Ну и сюрприз я тебе подготовил! — Лицо Билли озаарила знакомая мне широкая улыбка. Я вглядывалась в его глаза, улыбку, мимику, пытаюсь найти общие черты с мамой. Дядя казался таким счастливым, словно витал в облаках.

— Сюрприз?

Я бы ни за что в жизни не призналась в этом Джоани, но получать сюрпризы от дяди Билли было куда веселее, чем воровать помады в аптеках, и намного азартнее, чем нестись на высокой скорости по шоссе с Джоани и ее старшими сестрами.

— Ну-ка посмотри, что там в бардачке.

Я сразу же заметила черный конверт, притаившийся на пакете с документами. Судя по размеру, в нем вполне могли оказаться билеты в тематический парк «Юниверсал Студиос» или на концерт в «Голливуд-боул», но Билли никогда не дарил ничего напрямую. Так ведь неинтересно. Мне предстояло найти все улики, чтобы заслужить подарок.

Я открыла конверт и прочитала вслух загадку: *«Мой флаг красного, белого и синего цвета, но я не твоя родина. Возможно, ты решишь, что это lozh, — я не знала, как произносится это слово, — но моя ближайшая к Америке точка*

находится всего в четырех километрах от американской земли».

— Франция? — предположила я. Билли посмотрел на меня с сомнением. — Канада?

— В канадском флаге только красный и белый. Но уже теплее, точнее, холодно, очень холодно.

— Россия? — спросила я неуверенно.

— Verno! — ответил он с русским акцентом.

— Мы едем в Россию? Там землетрясение? — Я представила, как мы с Билли в шапках-ушанках пробираемся сквозь снег, чтобы оценить повреждения в городке из далекой русской глубинки.

— Твоя мама бы голову мне за такое свернула, — усмехнулся он.

Как только Билли упомянул маму, мы замолчали на некоторое время. Я знала: в тот момент мы оба вспомнили, как наши взгляды пересеклись в ту самую ночь, во время их ссоры.

— У вас с мамой все в порядке?

— Ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться.

Он снова замолчал, потом принялся что-то рассказывать, но уже через мгновение мы вновь притихли и молчали до тех пор, пока Билли не подъехал к остановке у дряхлого здания на Венецианском бульваре.

— А теперь попробуем решить загадку.

— Мы уже приехали? — спросила я, подсчитывая заколоченные окна на фронтоне. Обычно загадки дяди Билли приводили меня к большим паркам, вершинам гор и уединенным пляжам.

— Verno! — Он выпрыгнул из машины и кивком указал мне на стальную входную дверь. Дверь была не заперта, и он придержал ее для меня.

— А нам можно сюда? — Я замешкалась, вглядываясь из-за его спины в темноту помещения. — Тут как будто закрыто.

— Сегодня действительно закрыто, но управляющий у меня в долгу. Куда веселее, когда весь музей в твоём распоряжении, не думаешь? — Он зашел в здание и жестом пригласил внутрь. — Доверься мне.

Доверься мне. Его заклинание. И я всегда слушалась.

В помещении тускло светили лампы. Вдоль строгих стен выстроились витрины. Из спрятанных динамиков негромко звучала опера. На одной из витрин стояли чучела летучих мышей, кротов и прочих маленьких грызунов. На другой витрине мерцали драгоценные камни.

— Это место смоделировано с причудливых музеев XIX века, — объяснил Билли. — Здесь представлены необычные экспонаты из сфер науки, искусства и естествознания. Специально для разносторонних людей. Так называемая *кунсткамера*.

Кунсткамера. Я повторила это слово, предвкушая его магическое воздействие. Взгляд Билли остановился на витрине в дальнем углу комнаты. Ее заполняли миниатюрные статуэтки: разукрашенные слоны, клоуны, инспектор манежа и акробаты. На ящике виднелась надпись: *«Русский цирк»*.

Я внимательно изучила содержимое витрины, высматривая что-то, что могло скрыться от моего внимания. Возможно, какая-нибудь статуэтка, выделяющаяся из общей картины, или загадка, нацарапанная под цирковым куполом. Как и следовало ожидать, следующая подсказка была приклеена к дальней стенке ящика.

«Как и материал из моего имени, мое название звучит неброско, но благородно. Меня так зовут не из-за грубой шерсти, а в честь истока реки в Нортумберленде».

Билли засмеялся, увидев мой недоуменный взгляд. Он взъерошил мне волосы и пошел в следующую комнату. Она поразила меня своим размером в той же степени, что и предыдущая комната своей строгостью и пустотой. На стенах в вычурных рамах висели картины с собаками, очень детализированные. Еще там висел портрет человека — выцветшее изображение некоего барона Твидмауса, бородатого

мужчины в цилиндре. На табличке рядом с картиной можно было прочитать краткую историю жизни данного господина, шотландского предпринимателя и члена палаты общин.

— Согласно слухам, — загадочно заговорил Билли, — в 1858 году лорд Твидмаус посетил русский цирк, где его особенно впечатлило выступление овчарок. После представления он предложил инспектору манежа продать ему пару собак, но тот отказался, не желая разлучать труппу. Тогда, если верить рассказам, Твидмаус скупил всех собак сразу и занялся разведением этих овчарок, пока не получился ретривер.

Билли указал на ящик с документами, стоящий рядом с портретом.

— Открой его. Это часть выставки.

Я принялась копаться в многочисленных репродукциях бумаг барона Твидмауса, уже предчувствуя, куда это меня заведет. Вот что мне нравилось в приключениях с Билли: даже если я заранее угадывала, чем кончится квест, он все равно не позволял торопиться с финалом. Билли остановил меня, когда я достала записи барона о разведении собак.

— Историки нашли эти записи в 1950-х и поняли, что вся эта история с русским цирком оказалась мифом. — Билли указал на описание острого нюха ретривера. — Видишь? Ретриверов использовали для охоты еще до 1858 года, поэтому лорд Твидмаус не мог вывести эту породу, разводя русских овчарок. — Билли провел пальцем вниз по странице, прослеживая родословную собак Твидмауса. — Вместо этого он разводил уже имеющихся у него ретриверов, чтобы вывести идеального компаньона для охоты.

— Это то, о чем я думаю? — Я пританцовывала так, словно мне надо было в туалет.

— Зависит от того, о чем ты думаешь.

Я перевернула записи и нашла следующую улику на обратной стороне бумаги.

«Не называй меня красавицей, богиней, самой хорошенькой из всех. Тебе, наверно, кажется, что эти клички

звучат одинаково, но только одна из них имеет отношение к истории».

Я изучила каждую карточку, пока не нашла портрет водяного спаниеля по кличке Белль. Рядом с ней имелась записка с пояснением, что Белль свели с Наус, желтым ретривером, дабы вывести золотистого ретривера.

— Не может быть! — закричала я. — Этого не может быть!

Я не переставала прыгать и обнимать Билли, выкрикивая вразнобой какую-то ерунду.

— Ну-ну, не все так очевидно, — предупредил он. — Сначала ты должна ее найти.

Я рыскала по комнате в поисках конверта, в котором могла бы притаиться следующая улика. Фотография современного золотистого ретривера висела на дальней стене, между изображениями его прародителей. Она сильно выделялась своей простой черной рамкой. Я просунула руку в отверстие между фотографией и рамкой и достала карточку. На ней был написан адрес на бульваре Калвер.

Выбежав из здания, не дожидаясь, пока мои глаза привыкнут к свету, я устремилась вниз по бульвару, мимо дряхлых фронтонов и автомастерских.

— Миранда, притормози, — крикнул Билли, тяжело дыша и пытаясь нагнать меня.

Я остановилась на светофоре между Венецианским бульваром и бульваром Калвер, но продолжала прыгать с одной ноги на другую, словно спортсмен, который поддерживает ритм сердцебиения.

— Собака, собака, собака, собака, — повторяла я.

Загорелся зеленый, и я пулей помчалась на другую сторону улицы.

Билли не прекращал смеяться, пока мы бежали мимо знаменитого старого отеля, а затем и мимо ресторанов, расположившихся вдоль улицы. Моя цель находилась в нескольких кварталах от меня — зоомагазин, где продавали волнистых попугайчиков.

— Хозяин, кстати, разводит и золотистых ретриверов, — объяснил Билли, переводя дыхание.

В магазине чувствовался едва уловимый запах орехов. Высокий, лысеющий мужчина стоял за кассой и читал газету. Увидев нас, он исчез под прилавком и поднялся с маленьким ретривером. Я аккуратно взяла собаку из его рук. От щенка исходили тепло и запах сена. Поначалу он был сонным, но стоило прижать его к груди и потереться щекой о мягкую шерстку, как он оживился и принялся облизывать мое лицо. Я старалась крепко держать собаку, но щенок, подвижный и восторженный, все время норовил вырваться из объятий. Хозяин магазина предложил отпустить его побегать по комнате. Мы смотрели, как он обнюхивал пыльные уголки и бросался на металлические птичьи клетки. Билли не убирал руки с моих плеч, а мне хотелось закричать во весь голос, что он стопроцентно, абсолютно точно мой самый любимый человек на свете.

Однако в следующий миг я вспомнила о маме.

— Ты говорил с мамой? Как она к этому отнесется?

Билли поднял щенка с пола и рассмеялся, когда тот резко потянулся к его лицу.

— Ну как твоя мама сможет отказать такой мордашке?

— Серьезно, дядя Билли. Она против животных.

— Но ты же хочешь собаку, верно?

— Больше всего на свете.

Билли опустил щенка обратно на пол и приобнял меня.

— Твоей маме иногда нужно помочь открыть глаза на некоторые вещи. Как только она увидит, как сильно ты хочешь собаку, она не сможет отказать. Доверься мне, хорошо?

Вот только в этот раз его заклинание не сработало. Мне не стоило соглашаться. Мама бы никогда не разрешила оставить щенка. Но мне хотелось верить в силу Билли, в его суперспособность решать проблемы, просто потому что он обещал, что все будет хорошо.

Я хотела, чтобы мама тоже в это верила.